

Вольный и необузданный

День выдался ясный и солнечный, на ветвях щебетали птицы.

Молодые совершенствующиеся, собравшись небольшими группами, направлялись к берегу Ручья Цветных Камней. Они не носили с собой мечей или сабель, их украшали лишь складные веера, ароматные саше или нефритовые подвески. В лёгких, свободных одеждах они шли, смеясь и переговариваясь с друзьями.

В отличие от шумного и полного страстей боевого испытания или серьёзного и смертельно опасного испытания игры в ци, атмосфера на испытании каллиграфии и живописи была куда более расслабленной.

Ведь участникам не приходилось сражаться друг с другом насмерть. Если работа не получалась, можно было, пока не вышло время, взять новый лист и начать заново.

Семь из десяти участников были учениками Академии «Зелёный Утёс», остальные три — мастерами талисманов из других школ и кланов. И лишь немногие, как Сун Цяньцзи, пришли просто ради участия — по крайней мере, так считали окружающие, видя в нём мечника-любителя, увлекающегося искусством.

В школе Хуавэй было бесчисленное множество водопадов, но этот ручей был нешироким и отличался особым, изящным очарованием. В школе его называли Ручьём Цветных Камней.

Вода в ручье тихо журчала, прозрачная до самого дна, так что можно было разглядеть каждый камешек. Круглые, разноцветные, они устилали большую часть русла.

На берегу раскинулся ровный, просторный луг. Под бирюзовым небом, среди высокой травы и порхающих бабочек, он казался бескрайним.

Тысячи столов и стульев для испытания были расставлены в этом живописном, залитом весенним солнцем месте.

Состязание ещё не началось, и юные учёные, обмахиваясь веерами, прогуливались вдоль ручья, ведя высокие беседы:

— Наслышан, что даос Ли обладает выдающимся литературным талантом и его кисть творит чудеса. Что вы собираетесь писать сегодня?

— Право, не стоит преувеличивать. На днях, любуясь красотами озера Яогуан, я случайно

сложил четверостишие.

— Слышал, брат Лю — непревзойдённый мастер в изображении сливы в вашей академии. Сегодня снова будете рисовать «Сливу в снегу»?

— Недавно я путешествовал по горам Хуавэй и запечатлел их виды. Пожалуй, нарисую «Пейзаж гор Хуавэй».

Они вели, казалось бы, праздные беседы, но и в них было много тонкостей. Добрые друзья искренне хвалили друг друга, а недруги — обменивались колкостями, скрытыми за вежливыми фразами. Стоило чуть зазеваться, и можно было попасть впросак, приняв насмешку за похвалу и став посмешищем.

Сун Цяньцзи, пройдя сквозь толпу с веерами, подобрал полы одежды, наклонился и стал выбирать камешки у берега.

В его чане под карнизом росли лотосы, и несколько таких красивых камней, похожих на камни дождевого цветка, отлично бы туда вписались.

Весенняя вода в ручье была не холодной, она приятно освежала, пробегая между пальцами.

Камни на дне переливались всеми цветами радуги. Сун Цяньцзи увлечённо выбирал, то и дело вспугивая стайки серебристых рыбок, которые тут же ускользали из-под его рук.

Он складывал камни в свою сумку для хранения, чувствуя удовольствие и удовлетворение, и не обращал внимания на перешёптывания вокруг:

— Кто это? Он что-то уронил в воду?

— Он собирает камни. Он что, не в своём уме?

— Лицо кажется знакомым...

С гор донёсся протяжный звон колокола.

— Прошу всех участников занять свои места согласно номерам! — хором объявили дьяконы.

Все со смехом попрощались, договорившись продолжить беседу позже, и разошлись по своим местам, раскладывая кисти и бумагу.

Кисти мастеров талисманов в основном были магическими артефактами, которые они

подбирали с особой тщательностью. Тушь и краски тоже были не из дешёвых. Школа Хуавэй не предоставляла инструменты, всё нужно было приносить с собой.

Сун Цяньцзи нашёл свой номер, отодвинул стул и сел. Его руки всё ещё были мокрыми.

В этот момент перед ним появилась чистая, мягкая шёлковая ткань.

Обычно Мэн Хэцзэ часто подавал ему полотенце, и Сун Цяньцзи по привычке взял ткань.

Вытерев руки, он понял, что это был атлас из шёлка ледяного шелкопряда, невероятно дорогой материал.

Сун Цяньцзи поднял голову и увидел лицо своего соседа по столу.

У того были длинные брови, звёздные глаза и искренняя улыбка. Он был одет в мантию с вышитыми на ней восемьдесятю восемью слоями водных и облачных талисманов, пояс его украшали жемчужины Короля Цзяо, а на подставке для кистей лежала кисть пурпурных облаков и рассветной дымки — магический артефакт высокого ранга.

Весь его вид кричал о несметном богатстве.

— Благодарю, — на миг опешил Сун Цяньцзи.

Лицо соседа показалось ему смутно знакомым, но он никак не мог вспомнить, где его видел.

— Не за что, — сосед забрал ткань, словно это была обычная тряпка. Он улыбнулся и спросил:

— Я видел, вы собирали камни на дне ручья. Это какой-то ритуал на удачу? У меня на родине есть такой обычай.

— ...Нет, я просто собирал камни для своего чана, — ответил Сун Цяньцзи.

Тот неловко кивнул:

— А, понятно. Вы будете писать или рисовать?

— Рисовать, пожалуй, — сказал Сун Цяньцзи.

Глаза соседа загорелись.

Хотя они и сидели за одним столом, большинство участников не разговаривали друг с другом. Как только они брали в руки кисть, они полностью погружались в работу.

Вокруг раздавался шорох растираемой туши, похожий на хруст шелкопрядов, поедающих листья шелковицы.

На фоне этого размеренного, стройного шума голос соседа прозвучал особенно резко:

— Друг-даос, почему вы не начинаете?

Сун Цяньцзи спокойно сидел, любуясь ручьём и облаками на ветру.

— Ещё не решил, что рисовать.

Тот опешил:

— И вы с таким настроением осмелились записаться?

— Запись ведь бесплатная, — ответил Сун Цяньцзи.

С этим не поспоришь. Но кто из пришедших на испытание каллиграфии и живописи не тренировался тысячи раз, так что мог бы рисовать с закрытыми глазами?

Только они двое сидели без дела, да ещё и болтали.

Сун Цяньцзи достал из сумки камешки и принялся их перебирать.

Сосед не выдержал первым и снова заговорил:

— Вы ведь не... не умеете рисовать, да?

— Кое-что умею, — ответил Сун Цяньцзи.

«На испытание каллиграфии и живописи Собрания „Достичь известности“ прийти, умея „кое-что“?!»

На лице соседа отразилось разочарование, и он удручённо вздохнул. Он открыл тушечницу, добавил воды и принялся растирать тушь.

— Ладно, не буду вас ждать.

— А зачем вы меня ждали? — Сун Цяньцзи заинтересовался.

— По правде говоря, — искренне признался тот, — я рисую пейзажи и хотел бы позаимствовать вашу композицию.

Сун Цяньцзи потерял дар речи.

«Так бы и сказал, что хочешь списать. Значит, ты заговорил со мной только ради этого»

Сила кисти и её дух зависят от долгих лет упорной практики. А вот композиция — это дело вкуса и творческого замысла. Особенно в пейзажной живописи. Как говорится, «смотришь поперёк — хребет, смотришь сбоку — пик; близко, далеко, высоко, низко — всё разное». Одну и ту же гору разные люди изобразят по-разному, и в итоге получатся совершенно непохожие по духу и настроению картины.

В наше время в пейзажной живописи ценился дух, а не форма, и самым популярным был метод «далёких гор и близкой воды» Мудреца каллиграфии. Чтобы угодить ему, большинство участников использовали именно этот метод. К тому же, восемь из десяти художников выбирали именно пейзажи.

Сун Цяньцзи криво усмехнулся.

«Неужели номера и места распределяли по уровню мастерства? Посадили двух двоечников за один стол, нечего друг на друга надеяться»

Сосед, встретившись с ним взглядом, решил, что его презирают, и покраснел.

— Я просто не умею строить композицию! — стал оправдываться он. — А кистью я владею неплохо...

— Ничего страшного, я и пейзажи-то рисовать не умею, — сказал Сун Цяньцзи.

Выражение лица соседа смягчилось.

— Тогда нарисуйте то, что вам больше всего нравится, что больше всего хочется нарисовать сейчас, — посоветовал он. — Время ограничено, не задерживайтесь.

Сун Цяньцзи задумался.

— Хорошо.

Сказав это, он взял кисть.

Сосед вытянул шею, чтобы посмотреть. Увидев, что кисть и тушь у него самые дешёвые, с рынка, он сочувственно сказал:

— Возьмите мои. У меня есть запасной набор.

Сун Цяньцзи отказался.

Несколько лёгких мазков, и на бумаге появился контур маленького цветка.

Пять лепестков, выпуклая сердцевина, на кончиках лепестков — милые уголки.

Сосед был озадачен.

«Ну и как мне это скопировать?»

Но цветок, хоть и был лишь контуром, выглядел таким живым, словно вот-вот сойдёт с бумаги.

— Друг-даос, что это за духовное растение вы рисуете? Очень милое! — с любопытством спросил он.

— Это не духовное растение, а просто цветок картофеля.

— Цветок картофеля? — вскрикнул тот. — Великий Дао, так картофель, что растёт в земле, ещё и цветёт! А я думал, он на деревьях растёт. Вы меня не обманываете?

— ...Правда, не обманываю, — ответил Сун Цяньцзи.

«По таким пустякам не стоит беспокоить Великого Дао»

Некоторые совершенствующиеся, чьи родители происходили из бессмертных школ или знатных кланов, с детства питались духовным рисом и фруктами, а после начала совершенствования рано переходили на питание энергией ци. Они мало общались с простыми смертными и порой не отличали пшеницу от проса. Сун Цяньцзи мог это понять.

— Вообще-то, огурцы тоже цветут, — добавил он.

Выражение лица соседа изменилось, и он с искренним восхищением сказал:

— Друг-даос, вы так учёны и много знаете! Осмелюсь спросить ваше имя?

— ...Не стоит преувеличивать. Меня зовут Сун Цяньцзи.

Улыбка соседа слегка застыла, а затем он вскрикнул:

— Так вы и есть Сун Цяньцзи!

Участники со всех сторон подняли головы и посмотрели на них:

— Он и есть Сун Цяньцзи? Главарь внешней школы Хуавэй?

— Эти двое оказались за одним столом? Сун Цяньцзи — парень крутой. А этот второй — глупый, богатый и болтливый болван. Ему, похоже, не повезло.

Сун Цяньцзи кашлянул:

— Потише. Вы меня знаете?

— Вы очень известны! — возбуждённо сказал тот. — Но вы редко появляетесь на людях, о вас только слышно, но никто вас не видел. Все гадают, что вы за человек... Сегодня я увидел вас, и вы так хорошо рисуете цветок картофеля. Вы и вправду такой же вольный и необузданный, как о вас говорят.

Сун Цяньцзи растерялся.

В прошлой жизни его ругали за то, что он неразборчив в средствах, хитёр и жесток.

«Вольный и необузданный»? Он даже не знал, похвала это или оскорбление.

— Я слышал, Мэн Хэцзэ — ваш ученик?

— Нет, — устало ответил Сун Цяньцзи.

Тот явно не поверил и, хлопнув по столу, стал жаловаться:

— Вчера вечером я должен был тренироваться в рисовании, затем принять ванну, воскурить

благовоения, успокоить дух и медитировать всю ночь, готовясь к сегодняшнему испытанию. Но я не удержался и пошёл смотреть бой Мэн Хэцзэ! Он запустил небесные фонарики, это вообще нормально? Вы не могли его остановить?

— Вы только подумайте, он устроил такое шоу ночью, у кого сегодня будет настроение сдавать экзамены? Но, надо сказать, фонарики были очень красивы... Этот его новый стиль боя, это ведь вы его научили?

Стоило ему начать, как слова полились из него рекой, быстрой и нескончаемой. Этот темп речи показался Сун Цяньци очень знакомым. Ему с трудом удалось найти паузу, чтобы возразить:

— Это неправда! Я его не учил!

«Я не учил, меня оклеветали»

Тот по-прежнему не верил:

— Брат Сун, моя младшая сестра тоже очень любит смотреть его бои. Не могли бы вы попросить Мэн Хэцзэ завтра перед боем бросить последний цветок ей?

— Это... вряд ли получится, — ответил Сун Цяньци.

Никогда прежде он не слышал таких странных просьб.

«И фонарики запускал, и цветы бросал... что ещё этот Мэн вытворял за моей спиной? — подумал он. — Нелегко ему приходится. Нужно и бой контролировать, и режиссировать представление, и чтобы красиво было, и чтобы победить. Если бы не чётки из красного духовного нефрита, он бы давно уже не выдержал»

Сосед понимающе кивнул:

— Да, вы правы. В такой толпе куда ему целиться. Это я сглупил... Ах, столько болтали, а я так и не представился. Какая невежливость. Моя фамилия Цзи, имя Чэнь.

В голове Сун Цяньци словно вспыхнула молния:

— Цзи Чэнь из уезда Фэнсянь?!

Смутно знакомое лицо из его воспоминаний наконец совпало с красивым лицом перед ним.

Цзи Чэнь неловко улыбнулся:

— Не думал, что друг-даос слышал обо мне. — Он попытался оправдаться: — На самом деле, я не такой уж и бездарь, я просто не умею строить композицию...

— Почему вы на испытании каллиграфии и живописи? — в изумлении спросил Сун Цяньцзи.

Цзи Чэнь удивился ещё больше:

— А в чём вопрос? Я с детства учусь каллиграфии и живописи.

Сун Цяньцзи замер.

«Ты же великий мастер формаций, с детства учишься каллиграфии и живописи?»

— Вы уже начали изучать построения? — спросил Сун Цяньцзи.

Цзи Чэнь с кислой миной ответил:

— Я и один-то талисман толком нарисовать не могу. Куда мне до изучения формаций. Брат Сун, не смейтесь надо мной!

Сун Цяньцзи не знал, что и сказать.

Заставлять Цзи Чэня учиться каллиграфии — это всё равно что заставлять Мяо Янь махать саблей, а Мэн Хэцзэ — заниматься вышивкой.

Он замешкался, как вдруг впереди началось какое-то движение. Многие отложили кисти и, вскочив, стали смотреть в одну сторону.

Сун Цяньцзи поднял голову и увидел, как двое опоздавших, вместо того чтобы занять свои места, взлетели в воздух и устремились к противоположному утёсу.

— А эти что делают?

Цзи Чэнь с энтузиазмом принялся объяснять:

— Мы с вами здесь для галочки, для массовки. Другие борются за место в сотне лучших Собраний, а самые амбициозные — за первую десятку. Поэтому мы честно сидим и рисуем на бумаге, показывая то, чему научились... А те двое — другое дело. Они хотят стать личными

учениками Мудреца каллиграфии, поэтому им нужно выделиться, чтобы привлечь его внимание. Посмотрим, что они придумают.

<http://bllate.org/book/16982/1590444>